

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шестов Лев Логика религиозного творчества.

Умер Уильям Джемс – один из загадочнейших современников наших. Кто он был? Ученый? Несомненно. Он оставил после себя двухтомную книгу "Основания психологии", почитаемую всеми крупнейшим вкладом в науку. Был он врагом науки? Тоже несомненно – ибо кроме Толстого мало кто так обидно отзывался о науке. Был верующим? По-видимому: среди современных ученых едва ли вы найдете еще кого-либо, кто бы с таким страстным напряжением стремился вырваться за пределы дозволенных положительной философией интересов. Но присяжные защитники положительной религии считали его атеистом. Когда в Германии известный профессор теологии выпустил перевод его "Многообразия религиозного опыта", почтенные коллеги переводчика были возмущены до глубины души. И это несмотря на то, что заключительная, самая вызывающая глава книги (в ней Джемс делает попытку оправдания политеизма) была опущена в немецком издании. Наконец, когда года полтора тому назад мне пришлось беседовать с одним молодым, но уже довольно известным немецким профессором (психологом) о Джемсе, и я изложил ему высказанные этим последним суждения о политеизме – (т. е. содержание той именно главы "Многообразие", которая была опущена в немецком переводе), он недоверчиво воскликнул: *aber das ist doch sicher nicht sein Ernst.*

Не знаю, прочел ли уже теперь молодой ученый "Многообразие", но если прочел, то ему, несомненно, пришлось убедиться, что Джемс совершенно серьезно высказывал убеждения, которые научно воспитанному европейскому уму кажутся настолько парадоксальными, что, при всем уважении к ученым заслугам американского психолога, возбуждают сомнение даже в том, подлежат ли они серьезному обсуждению.

Противниками Джемса являются в одинаковой степени как представители положительной науки, так и представители положительной религии. Этим уже до известной степени определяется его философская позиция. Джемс не выносил рационализма, в какой бы форме он ни проявлялся. Вероятно, если бы его спросили, в чем основной грех всех философских и теологических построений, он ответил бы: в постоянном стремлении подчинить вселенскую жизнь одной идее. Фал ее первый совершил философское грехопадение своей попыткой найти единый источник бытия. Заблуждение его, оказавшееся столь роковым для философских исканий последующих веков, было не в том, что он видел начало всего в воде. Эта ошибка скоро разъяснилась и была исправлена. Но привилась последующей философии и сделалась, так сказать, второй ее природой предпосылка этого заблуждения: должен быть какой-нибудь единый источник, единое начало всего сущего. Эта предпосылка стала для человечества истиной *an sich* и до такой степени овладела нашим духом, что вне ее всякое творчество стало казаться невозможным. Не только наука задалась, как последней своей задачей, исключительной целью преодолеть в идее многообразие существующего мира, но всюду, куда являлся человек, он приносил собой эту цель, эту мысль. Возьмите для примера область, по общему мнению иррациональную *par excellence*, религию. Она всегда враждовала с наукой, всегда, по-видимому, умела отстоять свою независимость и даже в течение веков законодательствовала над всеми другими областями человеческого творчества. В Средние века религия умела занять исключительное положение: ей одинаково повиновались и ученые, и короли. Философия была прислужницей теологии. Но это только так казалось. На самом деле религия, прежде чем повелевать и распоряжаться, сама давала клятвенный обет безусловной вассальной верности. И никому другому, как все тому же философскому Адаму – Фалесу. Я возьму нарочно самый резкий пример попытки нарождающейся религии отвязаться от рационально философских предпосылок, чтоб сразу показать, что при всей своей смелости она никогда не дерзала выйти за указанные ей Фалесом пределы и нарушить данный обет вассальной верности.

"Crucifixus est dei filius; non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile est".

Так сказал чуть ли не через тысячу лет после Фалеса Тертуллиан. На первый взгляд, трудно даже нарочно придумать более резкий вызов научным предпосылкам. Религия как бы окончательно и навсегда порывает с наукой, с

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org
человеческим разумом. *Certum est, quia impossibile est*, – несомненно, ибо невозможно: чего, кажется, еще? По-видимому, нужно выбирать между Тертуллианом и рационализмом. Если наша несомненная уверенность в чем-либо вытекает из полной невозможности этого, если, стало быть, большая посылка суждения не ограничивает, а наоборот, бесконечно расширяет предикаты заключения, то, по-видимому, логика вывернута наизнанку. Все, что угодно, можно вывести из всего, чего угодно. Но, при ближайшем рассмотрении, нетрудно убедиться, что все-таки религия Тертуллиана осталась в вассальном подчинении у логики. Независимость тут только показная, внешняя. Своеволие тут разрешается только на один раз и молчаливо предполагает затем вечную покорность.

Тертуллиан, написавший приведенные выше строки, оказывается самым горячим поклонником *auctoritas* и *ratio*, двух принципов, на которых всегда держалась наука, в своем роде теологическим Спинозой. Все эти смелые *quia* допускаются только вначале, нужен один случай нарушения старого логического порядка для того, чтобы потом с еще большей прочностью водворить прежнее строгое и неизменное единство. По-прежнему *quia* будут не развязывать, а связывать, по-прежнему неизвестно откуда добытыми большими посылками, как цепями, будут сковывать все наши заключения. *Impossibile*, набравшееся благодаря одной великолепной вылазке новых сил, с еще большей беспощадностью и ревностью станет отныне оберегать свои державные права. У религии заведутся свои предпосылки, которые она будет защищать и поддерживать не только диалектикой, но в такой же мере, с еще большим практическим успехом, огнем и мечом.

II

Джемс о Тертуллиане не говорит – я позволил себе взять на свой страх пример из области религиозного творчества для того, чтобы возможно нагляднее и выпуклее предызобразить направление джемсовых мыслей. Джемс гораздо более занят полемикой с современными гносеологами и изучением религиозных переживаний новейших американских и европейских сектантов, чем анализом учений отцов церкви. Его привлекают не Тертуллиан или блаженный Августин, даже не ученый богослов типа Гарнака – он полемизирует с Риккертом или Бредли, по пути задевает Ренана или Ницше. Если же я взял пример из Тертуллиана, то лишь потому, что на нем можно с особенной отчетливостью вскрыть основные черты логики религиозного творчества. Считаю для этой же цели необходимым привести еще один не менее поучительный пример из посланий апостола Павла. Он еще ближе подведет нас к поставленной себе Джемсом задаче. В первом послании к коринфянам (XV, 19) он говорит: *si in hac solum vita speramus in Christum, miserissimi omnium hominum sumus*. Обратите внимание на способ делать заключения: мы будем несчастнейшими из людей, если станем только в этой жизни надеяться на Христа. И там же (XV, 32) продолжает: "по рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Эфесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем". Вы видите, какая здесь откровенная смелость в рассуждении. По-видимому, объективное разрешение вопроса о бессмертии души нимало не связано с тем, принесет ли оно нам горе или радость. Но апостол Павел рассуждает и размышляет по-своему. И свои заключения высказывает с той же уверенностью, с какой современный эмпирик делает свои выводы из тысячи или десятков тысяч наблюдений. "Ибо написано: погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец, где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих. Ибо и иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для эллинов безумие".

Вы видите, что религиозный человек умеет противопоставить свое безумие мудрости мира, как равное равному, как даже превосходное – ничему не нужному и жалкому. Между прочим, тут, в рассуждениях ап. Павла, как и в словах Тертуллиана, для нас, т. е. для выяснения "истины" Джемса об источниках достоверности человеческого познания, важно выяснить два взаимно исключающих момента. С одной стороны, вызов, бросаемый мудрости безумием, – с другой стороны – союз первой со вторым. Вызов ясно усматривается в словах Павла. Союз требует более обстоятельного обсуждения, ибо обыкновенно проходит незамеченным. Мы должны снова поставить тот же вопрос, который мы уже однажды ставили по поводу рассуждений Тертуллиана: на каких условиях заключен союз между безумием и мудростью? Двух ответов быть не может.

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org
Достаточно вспомнить, что Павел был творцом христианской теологии, что европейское христианство как церковь, как система объединенных одной идеей истин, обязано своим существованием, главным образом, непреклонной воле великого апостола, умевшего подчинить своей мысли судьбы народов. Иначе говоря, ап. Павел, хотя еврей по рождению и воспитанию, платился сам и принудил других расплачиваться за грехопадение Фалеса. Правда, может быть, даже вернее всего, что неукротимое своеволие Павла подчинилось не эллинской идее, а чисто еврейской же; еще в Палестине, или даже в Египте совершенно самостоятельно его предки сорвали яблоко с запретного дерева и, вкусив от понятного единства, были изгнаны Богом из рая, иначе говоря, лишились великой прерогативы свободного выбора. Этого вопроса я здесь не стану касаться.

Сейчас для нас не важно установить историческую преемственность в творчестве евреев и греков. Для нас Фалес является только символом, воплощающим в себе готовность человечества отдать все, что угодно, даже великую последнюю истину за *auctoritas*, за прочность и определенность, вытекающие из признания какого угодно *ratio*, какой угодно фикции. Вдумайтесь в рассуждения ап. Павла!

Какая польза, спрашивает он, что он боролся со зверями в Эфесе, если мертвые не воскресают. С ним спорить нельзя – невозможно и ненужно. Может быть, он и в самом деле не стал бы бороться со зверями, если бы не надеялся на воскресение. Может быть, он – если бы узнал, что со смертью прекращается наше существование, – бросил бы свою высокую миссию и предался бы телесным наслаждениям. Но ведь далеко не все так рассуждают. Вспомните Сократа перед судьями. Сократ допускал, что душа бессмертна, – но он не отрицал и противоположной возможности. И все же в обоих случаях, по его убеждению, добро остается добром – еда и питье ни в каком случае не могли бы соблазнить и прельстить его. Если бы ап. Павел столкнулся с Сократом – то в этом пункте их нельзя было бы примирить. Как же быть с *auctoritas* и с *ratio*? То есть, с объективной истиной? Воскресают мертвые или не воскресают? И – что для нас важнее всего – в одном Сократ бы наверное сговорился с ап. Павлом: что из двух утверждений истинно одно, что мертвые либо воскресают, либо не воскресают. *Tertium non datur* – Фалес, значит, получил бы свою дань полностью и от величайшего из язычников, и от величайшего из христиан.

III

Теперь послушаем Джемса по другому пункту: узнаем его мнение о современной науке.

"Некоторые из наших позитивистов все продолжают напевать нам, что среди гибели богов и идолов одно божество продолжает стоять неизбежно, что имя ему научная истина, и что оно предписывает нам лишь одну верховную заповедь: не будь теистом; ибо быть теистом, значит удовлетворять свои субъективные склонности, а удовлетворение этих последних обрекает на интеллектуальную гибель. Эти добросовестные джентльмены воображают, что они превзошли самих себя, освободив свои умственные процессы от влияния своих субъективных склонностей всецело и навсегда. Но они заблуждаются: они просто выбрали из всех имеющихся у них склонностей те, которые дали им возможность построить из находящегося в их распоряжении материала самый жалкий, низменный и бедный идеал – голый молекулярный мир – и в жертву этим склонностям принесли остальные..."

Тщательно выметая все суеверия, нужно заодно вымести и тот предрассудок, будто мы обязаны быть научными – тогда люди легче будут понимать друг друга".

Вы видите, что основную тенденцию научного мышления, тысячелетиями добивающуюся и, наконец, добившуюся открытого господства в жизни, Джемс выводит из человеческих склонностей. Результат, к которому пришла наука, вслед за Фалесом искавшая единого принципа бытия, ему кажется жалким и низменным..."

Те, кто более или менее знаком с постановкой вопроса об истине в той области современной философии, которую принято называть теорией познания и которая после Канта так тщательно культивируется во всех культурных странах Старого и Нового Света, будут, несомненно, поражены странным совпадением

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org
суждений Джемса с суждениями выдающихся европейских гносеологов. Приведенные выше слова его вызвали среди ученых философов такое же возмущение, какое вызвали его религиозные идеи у теологов. Выводить понятие о научной истине из человеческих склонностей – настоящий ученый должен по этому поводу сказать то же, что говорил мой знакомый психолог по поводу политеизма Джемса: *aber das ist doch sicher nicht sein Ernst*. Хуже того, в таком утверждении готовы видеть даже недобросовестное и злонамеренное, притом ни для чего ненужное покушение на неприкосновенность человеческих святынь. От такого рода упреков самого Джемса спасала только его признанная всем миром репутация крупного ученого. Когда вслед за ним молодой приват-доцент Шиллер выступил с проповедью аналогичных идей, с ним уже не церемонились – его обвиняли в невежестве, чуть ли не в безграмотности. И тем не менее, в этом любопытнейшая особенность занятой Джемсом философской позиции, – его утверждения все же совпадают во многом с выводами полемизирующих против него гносеологов. Как известно, еще Д. С. Милль, развивая "скептические" идеи Юма, утверждал, что у нас нет никаких доказательств единообразия законов бытия. Попытка Канта преодолеть аргументацию Юма ни к чему не привела, т. е., вернее, привела – как это ни покажется парадоксальным – к почти сознательному утверждению в области гносеологии тертуллиановых методологических приемов. Трансцендентальная эстетика Канта, как и его трансцендентальная логика, целиком построена на тертуллиановом принципе *certum est, quia impossibile est*. Да иначе Юму и ответить нельзя было! На каком основании мы делаем обобщения? Почему мы говорим, что железо всегда тонет в воде, что камень всегда падает на землю, – несмотря на то, что мы лично могли убедиться только в том, что камень много раз падал и железо много раз тонуло? Что можно ответить на такой вопрос? Оснований у нас решительно нет никаких. Наоборот, все основания думать, что хотя до сих пор камни падали, но в один прекрасный день они начнут летать. Кант с необычайной смелостью вышел из трудного положения *certum est, quia impossibile est*, – невозможно, чтобы мертвые, бездушные предметы подчинялись всегда одному и тому же правилу, а потому это несомненно. Вот внутренний смысл его "коперникова подвига". Кант нисколько не скрывал, что мы не имеем никакого права на все те суждения, которые он сгруппировал в категорию синтетических суждений *a priori* – и именно в этом их бесправии он нашел источник их суверенных прав. Совсем как и Тертуллиан, Кант решил однажды разрешить державный произвол человеческой душе, с тем, чтобы добыть и навсегда укрепить *auctoritas*, т. е. науку. Милль, как известно, сделал то же, но не считал нужным так резко подчеркивать момент человеческого произвола. Современные же гносеологи занимают неопределенное положение: они не умеют или не смеют рассуждать как Кант или Тертуллиан – только Александрам дозволяется разрубать гордые узлы, обыкновенные же люди, даже крупного калибра, осуждены распутывать их – поэтому им приходится держаться ближе к эмпиризму.

У нас действительно нет права, говорят они, делать общие выводы, но все-таки, продолжают они, такого рода заключения отнюдь не имеют своим источником произвол. Они находят "оправдание" в наших моральных запросах. Так рассуждает корифей современной логики Зигварт: "Нужно признаться, что строгое доказательство абсолютной невозможности непланомерного и беспорядочного следования событий нигде еще не было проведено, но принцип причинности есть постулат стремления к совершенному знанию... родственный принципам этической области, которыми мы вообще определяем и направляем нашу свободную и сознательную деятельность (Sigwart Logik. Вып. II, 1904. С. 21, см. и 430)". Приблизительно то же, только с несколько иным оттенком, утверждает и Риккерт, другой видный представитель современной гносеологии. Он не находит единообразия в действительности. Он открыто заявляет, что если мы непосредственно соприкасаемся с действительностью, то в ней нас именно поражает полное отсутствие единообразия. Порядок и последовательность существуют только в нашей голове, вне же нас абсолютный хаос. Мы не имеем и не можем иметь никаких суждений о действительности; суждение, по своей внутренней сущности, совершенно автономно, и только этим объясняется его общеобязательность. То, что Джемс называет голым молекулярным миром, и Риккерт должен бы был назвать такими же словами. По его учению, чем совершеннее общее понятие, создаваемое наукой, иными словами, чем ближе наука к своей последней цели, тем дальше она уходит от действительности. Голый молекулярный мир – идеал науки, – уже по Риккерту не имеет ничего общего с действительностью.

Разница, однако, между Зигвартом и Риккертом, с одной стороны, и Джемсом, с другой, тем не менее, огромна. Это уже видно из употребляемых ими для выражения своих идей слов: "голый молекулярный мир" и "человеческая

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org склонность" говорит Джемс. Зигварт и Риккерт распространяются об "автономных суждениях" и "совершенном познании". Оказывается, и в философии бывает так, что *c'est le ton qui fait la musique*. Дальнейшие искания людей, вышедших как будто бы из одной мысли, разветвляются до того, что становятся резко враждебными друг другу. Зигварт подчиняет наше мышление этическому началу, Риккерт говорит о трансцендентном должновании – научная "обработка действительности" снова становится синонимом истины, единственно возможной и желанной истины, словом, наука, как у Канта, восстанавливается в своих правах. У немецких философов проверка научных предпосылок, вернее, то, что они называют проверкой научных предпосылок, привела к полному оправданию притязаний научной истины. Что получилось у Джемса – мы сейчас увидим.

IV

Раз выяснилось, что источником наших суждений является не неизменная действительность, как у Аристотеля, и вместе с тем не этический принцип, как у современных немцев, а простая человеческая склонность, то является естественный вопрос: почему же из многочисленных человеческих склонностей мы выбираем одну и ей отдаем предпочтение пред другими. И еще другой, особенно важный для оценки жизненного дела самого Джемса: как теперь поступит он, куда направится мысль его? Хватит у него смелости и искусства сделать все выводы из своего рискованного положения? Или и с ним повторится старая история, т. е. и в нем, как и в его предшественниках, которых он так резко и сурово осудил, склонность к *auctoritas* окажется склонностью по преимуществу? Мы уже видели, что и ап. Павел, и Тертуллиан, и Кант, и ученики фихте – все проявили готовность однажды разрешить своеволию право неограниченного выбора.

Но только однажды. Избегнет ли Джемс этого соблазна? Не окажется ли – считаю необходимым, несмотря на то, что только что говорил об этом, еще раз повторить и резко подчеркнуть – и в нем склонность к *auctoritas* настолько доминирующей, что ей подчинятся все остальные склонности?

Я уже вскользь упоминал раньше о Дж. Ст. Милле и о том, что, по его мнению, ничто ни в природе нашего ума, ни в характере нашего опыта не дает нам основания утверждать, что наблюдаемый нами порядок в следовании явлений есть нечто от века существующее и навсегда неизменное. Может быть, – говорит он, – где-нибудь на другой планете события не подчинятся никаким законам, а следуют одно за другим, как попало. Тем не менее, Милль, как известно, из этого положения не сделал никаких выводов для нашей планеты. Его теория индукции по существу остается такой же, как и у других логиков. Своеволие здесь, на отмени времен, не дает человеку ничего и потому, как идея, мало соблазняет даже философов. Мыслитель может, даже должен признать своеволие – но он же должен отвергнуть его, ибо на "нашей планете" ничего оно дать не может. Отсутствие законов для смертных равнозначает хаосу, тьме, безумию.

Но вот Джемс, называющий себя учеником Милля, решается на дерзновенный опыт: он пытается в безумии найти творческую силу. Он собирает материал о переживаниях ненормальных людей исходя из той мысли, что мы абсолютно не вправе утверждать, что требуется определенное состояние умственных способностей для того, чтобы размышления наши дали результаты, заслуживающие быть названными "истиной". Он идет еще дальше: по его мнению, наибольших результатов добивались как раз те люди, состояние умственных способностей которых менее всего внушает доверия врачам психиатрам. Ненормальность, по мнению Джемса, является условием постижения важнейших и значительнейших истин.

Мне уже пришлось в другом месте говорить о том, что эта мысль была уже за полстолетие до Джемса высказана в русской литературе Достоевским. Она же и проводилась им в художественных произведениях со всей настойчивостью, на которую он был способен. Все либо почти все его герои – ненормальные люди. По крайней мере, в его произведениях интересны только сумасшедшие или полусумасшедшие. В новейшее время то же наблюдается и у Ибсена.

Уже ни для кого не тайна, что действующие лица его последних произведений – ненормальные люди. Какой-то французский врач даже написал об этом диссертацию, в которой очень удачно, по мнению специалистов, диагностировал психические заболевания у целого ряда наиболее выдающихся персонажей

В своем "Многообразии религиозного опыта" Джемс следует примеру Достоевского и Ибсена – в этом, быть может, самая замечательная и самая рискованная черта в учении американского философа. Мы видели уже у религиозных мыслителей попытки поставить безумие на место мудрости. "Когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих". И мы помним, что эти загадочные слова не могли быть приняты человечеством. Трудно теперь судить о том, насколько сам возвестивший их апостол мог или умел в действительной жизни отказаться от мудрости ради безумия. Вероятнее всего, что если для него безумие и являлось на мгновение просветом в вечность, то все же обыденные условия существования, в конце концов, властно предьявляли и к нему свои требования, от которых он не мог систематически уклоняться. Но еще важнее и интереснее для нас в настоящее время установить другой кардинальный факт из истории распространения христианства. *Christi mors potentior erat quam vita* – к первым векам христианства слова эти применимы. Апостолы и древнейшие последователи Иисуса жили моментами в величайшем безумии – в чаянии близкого, ближайшего наступления конца мира. Уже секира при дереве, – говорили они. Смерть для них была действующим, реальным фактором жизни. Но так продолжалось недолго. По мере того, как христианство приобретало все более и более adeptов, по мере того, как приближался момент его мирового господства, медленно, но верно подготавливалось и сближение нового учения со здравым смыслом, веры с разумом, с "мудростью", в том смысле, в каком это слово употребляется ап. Павлом. Современные историки христианства перестали уже в этом сомневаться.

Вот в каких определенных выражениях говорит об этом Адольф Юлихер ("Die christliche Religion", die Kultur der Gegenwart, 121): "С наступившим при Киприане поворотом в понимании идеи католической церкви заканчивается отпадение церкви от Евангелия; конечно, *bona fide* – ибо виновники этого отпадения были озабочены тем, чтобы создать ореол церкви, которой большинство христиан были обязаны своим лучшим достоянием. Но сделать из принадлежности к определенной группе людей *conditio sine qua non* прощения грехов и вечной жизни, т. е. отдать судьбу отдельного индивидуума в руки людей же, которые имели право большинством голосов отлучить его от церкви и, когда считали нужным, этим правом пользовались – больше того, поставить каждого желающего присоединиться к христианству в зависимость от того, попал ли он случайно в руки истинного или самозванного представителя церкви, – все это было совершенным извращением Павлова принципа спасения "единой верой". Не то, чтобы стали пренебрегать верой, – но верующими стали признаваться только те, которые принадлежали к церкви, или, точнее, вере приписывался иной смысл: вступления желающего спастись в основанное Богом на земле специальное учреждение для спасения. Этим процесс спасения, который для Христа был необыкновенно простым событием обращения человеческой души к Богу – превращается в сложную систему со всякого рода перегородками между Богом и человеком: церковь приняла на себя роль искупителя. На том месте, где прежде у Павла и Иоанна стоял Господь, теперь водрузилась католическая церковь – вместо идеальной величины – кучка грешных людей. Стадное чувство вновь подавило в религиозной области возвышенное движение индивидуализма".

Так судит объективный историк, стоящий вне философских и метафизических споров, о важнейшем моменте в истории великого религиозного движения. И от него не может укрыться то загадочное обстоятельство, что в вопросах об истине последнее слово все же остается не за "безумием", а за мудростью мира. Верховный, последний судья, дающий победу идее, – та странная совокупность многих людей, которая называется человечеством или толпой и которая имеет свой особый, даже совсем не человеческий облик. "Стадо" преследует свои задачи, человек – свои. И то, что человек признает истиной – может быть принято стадом только в искаженном до неузнаваемости виде. Живая человеческая истина заражается и гибнет в атмосфере множественности. Ей нужно выбрать одно из двух: либо господствовать над людьми и для того примениться к "общественным" требованиям, то есть, перестать быть собой, либо остаться верной себе и, в качестве "безумия", быть отвергнутой человечеством. "Безумие" не может никогда добиться признания. Более того, уверовавшее в себя безумие не хочет признания, не выносит его. В этом соблазн, в этом и ужас всякого нового откровения. Истина настоящего пророка с пророком рождается и с ним же умирает. То же, что остается после пророка, что становится достоянием истории, уже не истина, а общеобязательное, обыкновенно очень полезное, общественно ценное суждение.

V

Здесь мы подошли к тому гносеологическому учению, которое проповедовал Джемс под именем прагматизма, и вместе с тем мы собрали материал, который даст нам возможность критически проверить и оценить это учение. Джемс, как мы помним, отверг идеал рационалистов и с презрением говорил о поставляемых себе положительной философией задачах. Он хотел стать выше противоположности между безумием и мудростью.

Пусть человек творит свободно, всякое творчество всегда само себя оправдывает, логические и гносеологические ограничения ни на чем не основаны, – с этого, говорю, начал Джемс. И начало это много обещало. Казалось, Джемс не уступит, не сдастся, ни за что не вернется на старые позиции. Но Джемс недаром называет себя учеником милля. Англосаксонская, если хотите, европейская закваска сказалась. Рыцарь свободного творчества, Джемс, в конце концов, потребовал для своего безумия санкции, общественного признания, иными словами, он, не давая себе в том отчета, с самого начала исходил из мысли, что его рассуждения все же сложатся в стройную теорию познания, которая найдет способ подчинить себе общественное мнение, станет общепризнанной, общеобязательной. Он стал делить "безумия" на категории и разряды и отбирал только такого рода безумия, которые могут оказаться общественно полезными. И эти отобранные, полезные безумия он возвел в высокий сан истины... Повторилась старая история. Еще в древние времена скептики вели ожесточенную борьбу против догматиков. Скептики не хотели признать ни одной теории, ни одной истины и оспаривали права всех, выступавших с какими бы то ни было утверждениями. Только себе они разрешали быть правыми, только себе они позволяли строить теорию. И при всей остроте своей критики, они оказывались в одном пункте настолько же наивными, как и самые наивные из их противников. Все они уступали – но свою истину они хотели сделать общеобязательной: стадо они оставляли за собой. Даже новейшие скептики, у которых за плечами двухтысячелетний опыт философского исследования – в этом отношении ничему не научились и – уввы! – ничего не забыли. Я напому читателю замечательное предисловие Ренана к 13-му изданию его "Жизни Христа". Как известно, все считают Ренана крайним скептиком, и он сам тоже был глубоко убежден, что усомнился решительно во всем, в чем только можно сомневаться. Он был так уверен, что его метод исторического исследования абсолютно непогрешим! Другие историки преследуют субъективные цели, они пишут *ad probandum*, [б – для доказывания (лат.).] он же исключительно *ad narrandum*. Но немного внимания, и в том же предисловии подметите, что Ренану свойственна такая же "идеалистическая" предвзятость в воззрениях, как и всякому другому смертному. Возражая своим противникам, которые упрекали его за то, что он искажил Евангелие и принизил личность Христа до уровня обыкновенного, хотя и высокоодаренного смертного, и что для достижения своей цели он брал Евангелие не целиком, а вырывал из повествования лишь те факты, которые ему казались несомненными, – он с уверенностью говорит, что фактами можно называть лишь такие события, которые засвидетельствованы достаточным количеством заслуживающих доверия людей. Т. е. развивает теорию экспериментального метода, которой обучают студентов с первых дней их поступления в высшую школу. Факт есть, – говорит он, – лишь засвидетельствованный факт. Но позволительно спросить: вправе ли скептик, т. е. человек, сомневающийся во всем, давать такое определение? А что, если есть факты, которые прямо не допускают исполнения всех сложных формальных обрядностей, сопряженных с необходимостью засвидетельствования?! Которые открываются наблюдению отдельных людей и сразу пропадают, как только почуют приближение шумного стада, желающего их использования для "выводов"? Повторяю, обыкновенный ученый может и не задаваться такими вопросами. Но скептик *par excellence*, да вдобавок еще такой тонкий, умный и пронацательный человек, – как мог он с уверенностью утверждать, что каждый факт подлежит проверке, когда несомненно, что огромное большинство фактов, и фактов важнейших, – грандиознейших внутренних переживаний – по самой своей природе безусловно не допускает проверки и регистрации?!

Ренан написал историю первых веков христианства, он же написал историю евреев, т. е. всю жизнь свою провел среди событий, наиболее наводящих на мысль, что серьезнейшие и важнейшие моменты человеческой жизни не поддаются внешнему наблюдению, и он же выступает с апологией экспериментального метода, как единственно истинного! Забыл он свой обет писать *ad narrandum*, а не *ad probandum*? Почему? Ответ уже дан нами в самом начале статьи: истинным признается лишь то, что может быть нужным и полезным

Шестов Л. Логика религиозного творчества filosoff.org
"человечеству".

- И прагматизм Джемса не освободился от этого императива. Джемс пренебрежительно отзывается о Ренане за его склонность к рационализму. Но разве принцип пользы не есть принцип, разве он не взывает к *auctoritas*, к суду стада? Прагматизм, поставивший верховным критерием пользу, вернулся обратно к рационализму.

В погоне за "признанием", за одобрением большинства поблекли и увяли свободлюбивые мечтания американского философа. Чтобы добиться власти над толпой, он отказался от "безумия" истины. Ибо, повторю еще раз - безумие не может, не должно и не хочет получить общественного признания и одобрения. Источник его уверенности в себе - совсем иной. Да, вероятнее всего, и уверенности не дано безумию. Ни оно само, ни люди не видят в нем никакой ценности, и никакой "ценности" в обычном смысле этого слова оно не имеет. Ему, как и всем добродетелям, достались в удел лишь одни лохмотья - все пышные наряды уже давно и неотъемлемо присвоены себе мудростью.

Можно ли упрекнуть Джемса, что он в последнем счете отвернулся от безумия и пошел за мудрой пользой? Едва ли. Но несомненно, что прагматизм не избег общей участи тяжко расплачивающихся за грехопадение Фалеса.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!